
ЗАРАЖЕННАЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Яна Калина

Зараженная. Его одержимость

«Автор»
2026

Калина Я.

Зараженная. Его одержимость / Я. Калина — «Автор», 2026

Он называл её своей вещью. Своим трофеем. Своим личным адом в бетонных стенах.Ноа не знал жалости, он знал только контроль. Его любовь была похожа на удавку: чем сильнее она пыталась вырваться, тем плотнее он затягивал узел. Она была для него идеальной добычей — с рыжими волосами, пахнущими вишней, и взглядом, который он мечтал сломать. Но в мире, где люди стали монстрами, а города превратились в кладбища, правила игры изменились. Её пытались уничтожить. Её вырезали по кусочкам в стерильных лабораториях. Её застрелили в голову и выбросили, как мусор, в сточную канаву. Они думали, что убили её. Но они лишь пробудили в ней то, что страшнее любого вируса. Теперь она больше не принадлежит ему. Она не принадлежит людям. Она — часть стаи. А Ноа... Ноа готов сжечь этот мир дотла, чтобы снова почувствовать её кожу под своими пальцами. Даже если для этого ему придется вытащить её из самого сердца ада.

© Калина Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Сохраняйте спокойствие 5
Глава 2: Запах живого 20
Глава 3: Тишина перед рыком 27
Глава 4: Несколько сантиметров 32
Глава 5: Запах из прошлого 36
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Яна Калина
Зараженная. Его одержимость

Глава 1: Сохраняйте спокойствие

Резкий, сверлящий звук будильника вырвал тебя из сна.

Семь утра. Ты несколько минут просто смотрела в потолок, чувствуя, как сознание медленно возвращается, неохотно цепляясь за реальность. За окном висел серый, липкий туман, а дождь монотонно барабанил по стеклу, превращая мир снаружи в размытое пятно.

Ты с глухим вздохом выключила будильник. В квартире стояла та самая вязкая тишина, которую нарушал только надрывный гул старого холодильника на кухне да приглушенный шум машин где-то вдали. Обычное утро.

Когда ты наконец заставила себя подняться, позвоночник отозвался резким, сухим хрустом. В ванной ледяная вода помогла окончательно проснуться, но взгляд в зеркало не принес радости. Из отражения на тебя смотрела всё та же девушка: растрепанный рыжий хаос волос, серые глаза с тяжелыми тенями усталости под веками. Ты зевнула, едва касаясь пальцами лица, и, не глядя больше на себя, вышла из ванной.

На кухне ты торопливо перекусила, включив телевизор просто для того, чтобы заполнить тишину. Из динамика доносился ровный, почти гипнотический голос диктора, который уже неделю повторял одно и то же.

— …Министерство здравоохранения сообщает, что новый препарат «Виталекс» продолжает показывать высокую эффективность. За последний месяц его получили уже более десяти миллионов человек…

Ты почти не вслушивалась. Эти фразы стали фоновым шумом города, таким же привычным, как гул машин за окном. «Виталекс» преподносили как чудо, как величайший про-

рыв в истории медицины. Нам обещали, что человечество наконец-то победило болезни, которые веками забирали жизни, и теперь каждый может купить себе своего рода «страховку» от смерти.

Телефон на столе коротко завибрировал, отвлекая тебя от мыслей. На экране всплыло уведомление из поликлиники: «Напоминаем, что сегодня в 08:30 вам назначен прием. Не забудьте взять паспорт и медицинский полис».

Ты замерла, глядя на экран. Сегодня был тот самый день. Ты наконец-то решила получить первую дозу «Виталекса».

Закончив с завтраком, ты перешла к сборам. В шкафу сразу нашлись любимые светлые джинсы с высокой посадкой — они плотно облегали бедра, подчеркивая изгибы фигуры, и всегда давали то самое чувство уверенности. Черная водолазка скользнула по коже; ты, как и всегда, проигнорировала лифчик.

Сверху ты накинула длинное черное пальто, скрыв фигуру под тяжелой тканью, и застегнула черные сапоги.

На улице воздух был пропитан сыростью. Дождь только что стих, оставив после себя грязные лужи на асфальте, в которых, как в мутных зеркалах, отражалось свинцовое небо. Город жил своим привычным, шумным ритмом. Люди, уткнувшись в телефоны, спешили на работу, школьники срывали друг с друга рюкзаки и громко смеялись, перебивая друг друга. Автобусы один за другим выплевывали толпы пассажиров, а на перекрестках раздраженно сигналили машины.

Снаружи всё казалось абсолютно нормальным. Но в этой повседневной суете было что-то слишком настойчивое, будто город пытался заглушить какой-то внутренний, едва слышный гул тревоги.

По дороге ты заскочила в маленькую кофейню, где густой, обволакивающий запах свежемолотых зерен на мгновение вытеснил из головы все утренние тревоги.

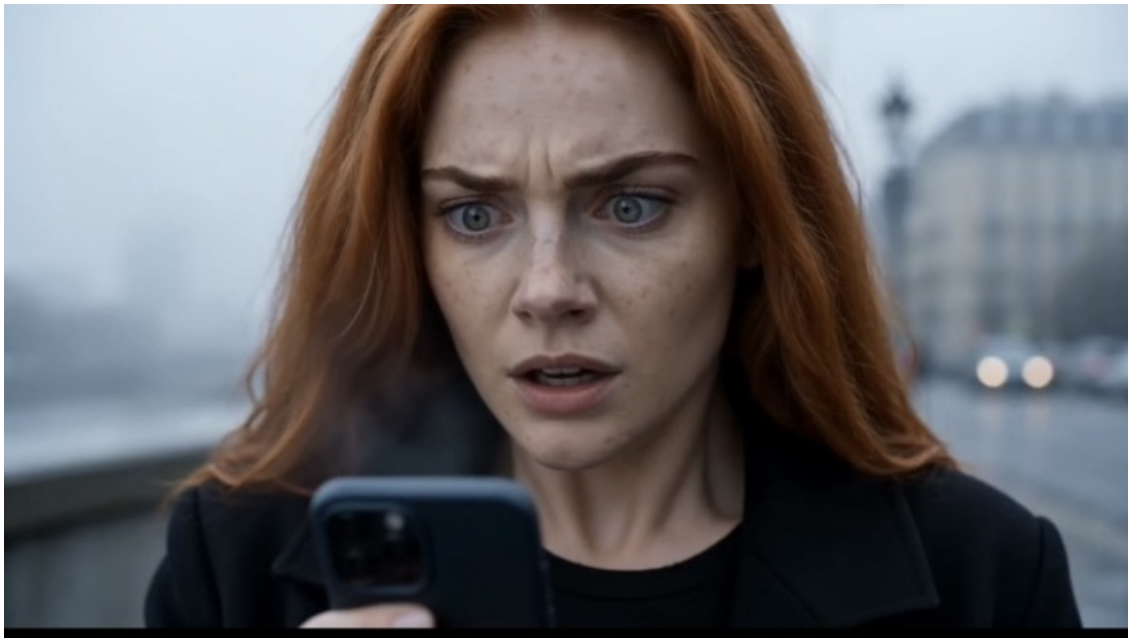
— Как обычно? — с привычной улыбкой спросила бариста.

— Да, пожалуйста.

Спустя минуту в твоих ладонях оказался теплый картонный стаканчик с латте без сахара. Ты поблагодарила девушку и вышла обратно в сырую прохладу улицы.

Не успела ты сделать и пары глотков, как телефон в кармане снова коротко завибрировал. Ты достала его, и на экране всплыло экстренное уведомление: «Несколько пациентов, проходивших лечение новым препаратом, госпитализированы с необычными неврологическими симптомами. Министерство здравоохранения призывает сохранять спокойствие. Причины выясняются».

Ты нахмурилась, и на секунду по телу пробежал странный, необъяснимый холодок. «Неврологические симптомы» — фраза звучала слишком официально и оттого пугающе. Ты замерла, глядя на экран, и в голове мелькнула предательская мысль: «Может, стоит отменить прием?».

Но через пару секунд ты тряхнула головой и убрала телефон. В новостях вечно что-то случалось, а паника в сети раздувала любую мелочь до масштабов катастрофы. Скорее всего, просто побочные эффекты у пары человек. Ты сделала еще один глоток кофе, стараясь прогнать навязчивое чувство беспокойства, и зашагала дальше.

На перекрестке впереди внезапно взревели автомобильные гудки. Кто-то что-то яростно закричал — звук был резким, надрывным, почти животным. Ты машинально подняла голову, пытаясь разглядеть причину затора, но в этот момент поток людей сзади толкнул тебя вперед. Через несколько секунд шум внезапно стих, и город снова поглотил этот всплеск своего привычным, равнодушным гулом.

К поликлинике ты подошла за десять минут до приёма. У главного входа, перегородив часть тротуара, замерла машина скорой помощи. Двое медиков в сосредоточенном молчании быстро выкатили носилки, накрытые белой, подозрительно натянутой простынёй. Ты задержала взгляд всего на пару секунд, но заметила, как один из санитаров нервно сглотнул, а его пальцы крепко сжали поручень. В этом жесте было что-то неправильное, какая-то лихорадочная спешка. Ты лишь крепче сжала стаканчик с кофе и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

Внутри тебя встретил классический коктейль из запахов: едкий хлорный антисептик, старая пыль и едва уловимый аромат дешевой столовой. Стены, выкрашенные в унылый светло-зеленый цвет, внизу были облуплены и грязные от бесконечных прикосновений.

Ты присела на один из тех жестких стульев, которые всегда стоят в коридорах, и машинально глянула на электронное табло. 08:24. До приёма оставалось несколько минут.

Вокруг кипела привычная жизнь государственного учреждения. По коридору разносился гул приглушенных разговоров, перемешанный с раздраженным вздохом кого-то из очереди. Маленький мальчик, которому было абсолютно плевать на стерильность, увлеченно гонял пластмассовую машинку прямо по линолеуму, оставляя на нем грязные следы. Его мать, погруженная в ленту новостей, даже не смотрела в его сторону, лишь изредка поправляя сумку.

Пожилой мужчина неподалёку выдал серию оглушительных, надрывных кашлей, от которых вздрогнули все присутствующие. Мимо как раз проходила медсестра в накрахмаленном колпаке. Она остановилась, смерив старика таким взглядом, будто он только что совершил государственную измену.

— Маску наденьте! — припечатала она, даже не глядя на него. — Сколько раз повторять? По всей поликлинике кашляете!

Мужчина что-то недовольно проворчал, но послушно выудил из кармана мятую голубую маску.

Тишину коридора внезапно разорвал грохот. Звук был тяжелым, глухим, будто в приёмном отделении рухнул массивный шкаф или кто-то с размаху сбросил на пол железную каталку.

Разговоры оборвались мгновенно. Люди замерли, синхронно повернув головы в сторону шума. Пожилая женщина тихо, почти испуганно спросила:

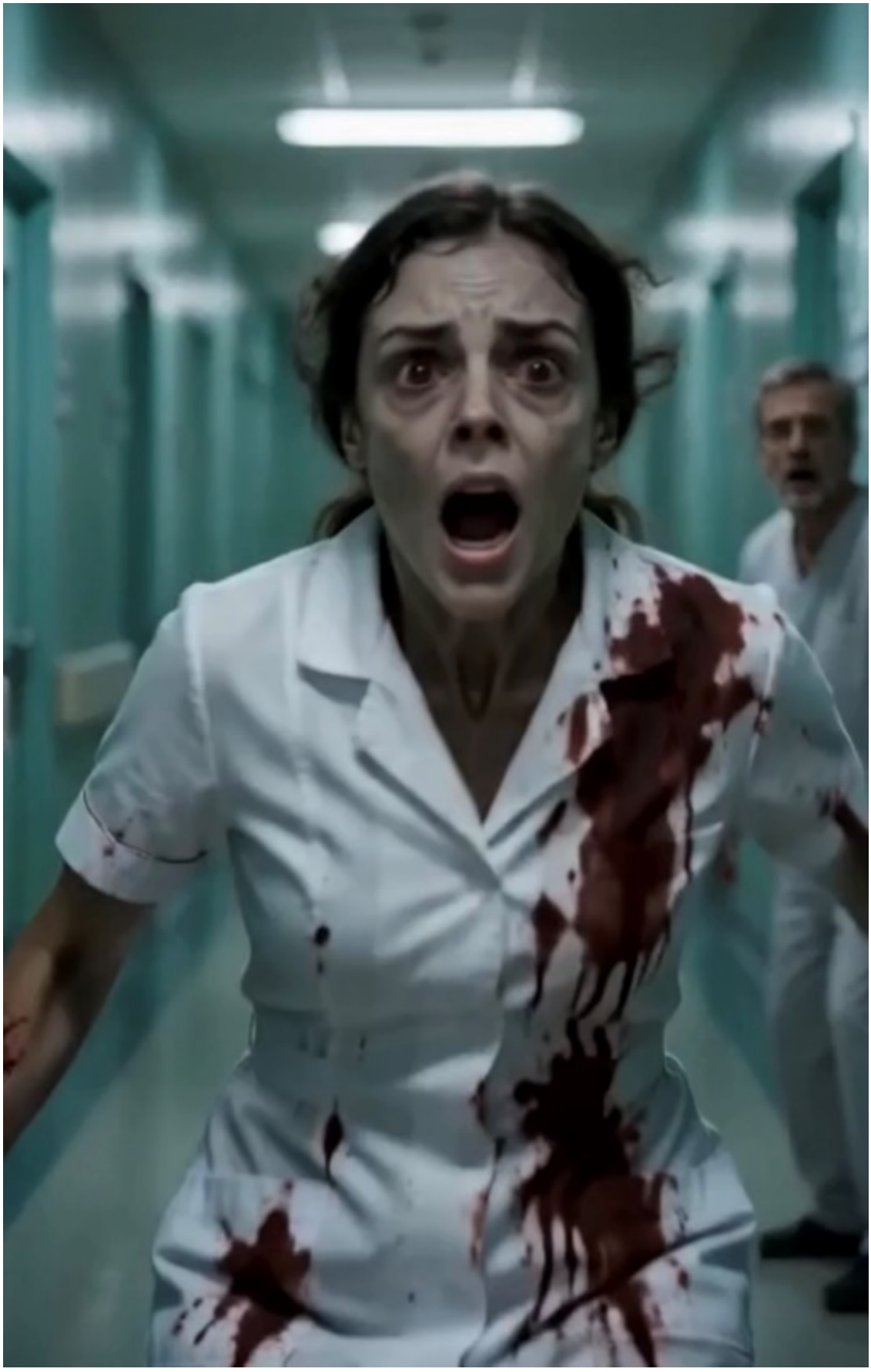
— Господи, что там произошло?..

Ответа не последовало. В наступившей тишине стал слышен какой-то странный звук — влажный, чавкающий, будто кто-то с силой рвал сырое мясо. А затем раздался вскрик. Короткий, пронзительный, обрывающийся на самой высокой ноте, словно человеку перерезали горло в тот самый момент, когда он пытался позвать на помощь.

Внутри всё сжалось. Ты невольно поднялась со стула, чувствуя, как сердце начинает глухо биться в горле.

Из-за угла, едва не сбив с ног одного из пациентов, вылетела молодая медсестра. Её безупречно белый халат был заляпан темными, багровыми пятнами, лицо стало землистого цвета, а глаза расширились от запредельного ужаса. Она задыхалась, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Закройте двери! — закричала она, срывая голос. — Быстро! Закройте все двери! Бегите отсюда!

Коридор замер в каком-то оцепенении. Люди переглядывались, не веря в происходящее.

— Девушка, ну вы чего, успокойтесь… — начал было тот самый мужчина в маске, протягивая руку, чтобы успокоить её.

Договорить он не успел.

Из-за поворота с какой-то безумной, ломаной скоростью выскочил мужчина в клочьях больничной пижамы. Он не бежал — он несся вперед, почти не отрывая ног от пола, с широко разинутым ртом, из которого тянулись нити темной слизи.

Ты замерла, глядя на это с широко открытыми глазами. Ты уже не была уверена, что это вообще адекватный человек. В этом существе не осталось ничего человеческого, кроме изуродованного облика. Такое чувство что он сбежал из дурдома. Псих.

Кожа его была какого-то тошнотворного, серого цвета, а глаза — мутными, затянутыми белесой пеленой. Он двигался с какой-то пугающей, неестественной скоростью, так что ты едва успела зафиксировать его лицо, прежде чем он врезался в мужчину.

Удар был такой силы, что тело того буквально отшвырнуло к стене. Раздался глухой, тяжелый грохот. Мужчина рухнул на линолеум, задыхаясь и пытаясь отползти, но этот псих навалился сверху с животной яростью. Он вцепился зубами в шею, и из горла пострадавшего вырвался отчаянный, захлебывающийся крик. Секунды показались вечностью: псих рвал плоть с влажным, чавкающим звуком, игнорируя попытки мужчины оттолкнуть его. Крик оборвался внезапно, сменившись хрипом, а затем наступила тишина, которую через мгновение взорвал общий, многоголосый вопль.

Люди бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. Кто-то выронил телефон, который с треском разлетелся на осколки. Кто-то в ужасе закричал, зовя ребенка, который в этот момент застыл посреди коридора, прижимая к себе свою машинку. Кто-то просто замер, глядя на кровь на полу с выражением абсолютного, парализующего непонимания.

Сердце колотило в ребра так, что в ушах стоял гул. «Что… что это, черт возьми, такое?!» — единственная мысль, которая билась в голове.

Из глубины здания, из-за поворотов и закрытых дверей, начали доноситься новые вопли. Сначала один, затем второй, третий… А потом их стало так много, что они слились в один сплошной, нечеловеческий рев, заполнивший всё пространство поликлиники.

Мужчина в клочьях больничной одежды издал гортанный, клокочущий рык и, оторвавшись от обглоданного тела, с новой силой бросилось вперед.

— Бегите! — закричал кто-то.

— Господи, помогите!

Люди сорвались с мест, и коридор мгновенно превратился в мясорубку. Стулья с грохотом полетели на пол, создавая дополнительные препятствия. Под ногами всё смешалось: разлетевшиеся папки с историями болезней, разбитые телефоны, чьи-то сумки.

Всё происходило слишком стремительно, в каком-то рваном, лихорадочном ритме. Медсестра, которая секунду назад пыталась всех спасти, просто исчезла в этом безумии — её белый халат на мгновение мелькнул в толпе и скрылся за спинами бегущих.

Кто-то с силой налетел на тебя плечом, едва не сбив с ног. Ты покачнулась, чувствуя, как тебя затягивает в этот человеческий поток. Люди бежали, не разбирая дороги, сталкивались лбами, цеплялись друг за друга, сбивая с ног тех, кто был слабее.

В этом хаосе ты заметила ту самую женщину. Она больше не листала ленту новостей — теперь она отчаянно прижимала к себе маленького мальчика, буквально вжимая его в свое тело, пытаясь закрыть собой от всего этого кошмара. Она захлебывалась слезами, что-то кричала, но её голос тонул в общем гуле.

Повсюду звучали мольбы о помощи, но они были бессмысленны. В этом коридоре больше не было пациентов, врачей или очередей. Осталась только толпа — испуганная, беспомощная масса, которая в своем отчаянии была готова растоптать любого, лишь бы выжить.

Ты наконец заставила себя сделать шаг назад. Затем еще один, чувствуя, как ноги стали ватными, а тело отказывается подчиняться. Руки тряслись так сильно, что пальцы почти перестали слушаться, ты выронила стаканчик с кофе, который теперь казался какой-то нелепой, лишней деталью из другой жизни.

В голове, заглушая все остальные звуки, билась одна-единственная, первобытная мысль: «Бежать...».

Ты сорвалась с места. Ноги понесли тебя к главному выходу, прорываясь сквозь толпу, которая теперь напоминала бурлящий, паникующий океан.

Ты больше не видела лиц, не слышала слов. Весь мир сжался до узкого коридора, ведущего к дверям. Ты слышала только собственное мучительное, рваное дыхание и оглушительный, бешеный стук сердца, который, казалось, отдавался в самых кончиках пальцев.

Холл впереди превратился в одну сплошную, ревущую стену из плоти и одежды. Сотни рук в отчаянии тянулись к стеклянным дверям, скребя по ним пальцами, пытаясь прорваться наружу.

— Откройте! Выпустите нас! — кричали люди, но их голоса тонули в общем, неразборчивом гуле.

Толпа с чудовищной силой навалилась на двери, создав эффект гигантского пресса. Кто-то впереди споткнулся, и в следующую секунду один человек рухнул вслед за другим. Десятки людей, не успев затормозить, буквально накрыли их собой, вминая тела в грязный пол. По залу разнеслись истошные, захлебывающиеся вопли тех, кто оказался внизу, но их крики мгновенно заглушили новые удары и толчки.

Чья-то рука грубо ударила тебя в плечо, сбивая с ритма. Затем последовал еще один толчок, и тебя с силой сдавило со всех сторон.

Воздуха почти не осталось; он стал редким и обжигающим. Ты чувствовала, как чужие тела вжимают тебя в окружающих, лишая возможности даже просто вдохнуть.

— Пожалуйста… не давите… — совсем рядом, почти у самого уха, всхлипывал чей-то женский голос, полный такого отчаяния, что от него сводило зубы.

Ты отчаянно пыталась удержаться на ногах, цепляясь пальцами за чужие куртки, рукава, за любую опору. В голове пульсировала одна-единственная, жгучая мысль: если ты сейчас упадешь — ты больше никогда не поднимешься. Тебя просто раздавят, сотрут в порошок этой безумной массой, даже не заметив.

Внезапно раздался оглушительный, тяжелый удар. Стеклянная входная дверь, которая только что казалась единственным спасением, покрылась густой сетью трещин.

Еще один удар — резкий, мощный. Стекло с оглушительным звоном разлетелось на тысячи острых осколков, которые градом посыпались на пол и на людей, стоявших ближе всего.

Толпа рванула вперед на улицу, но там в сером свете пасмурного дня, стояли они. Несколько существ в лохмотьях, застывших в какой-то неестественной, выжидательной позе. Они не двигались, не рычали, просто смотрели своими мутными глазами, будто терпеливо ждали, когда дверь откроется сама.

А затем, в один и тот же миг, они сорвались с места. С какой-то безумной, ломаной скоростью они хлынули внутрь, прямо в самую гущу людей.

Коридор взорвался криком, который теперь был почти физически ощутимым. Выхода больше не было. Впереди — жаждущие плоти твари, врывающиеся в здание. Позади — новые, всё более близкие и яростные вскрики, которые означали, что те, кто был внутри, уже добрались до этой части холла.

Ты оказалась в ловушке. В этом эпицентре кровавого хаоса, зажатая между паникующей толпой и наступающим кошмаром, ты вдруг почувствовала странную, пугающую ясность. Весь шум, весь этот ад вокруг вдруг отошел на второй план, оставив только одну-единственную мысль, которая ударила в голову, как тяжелый молот: «Я сейчас умру».

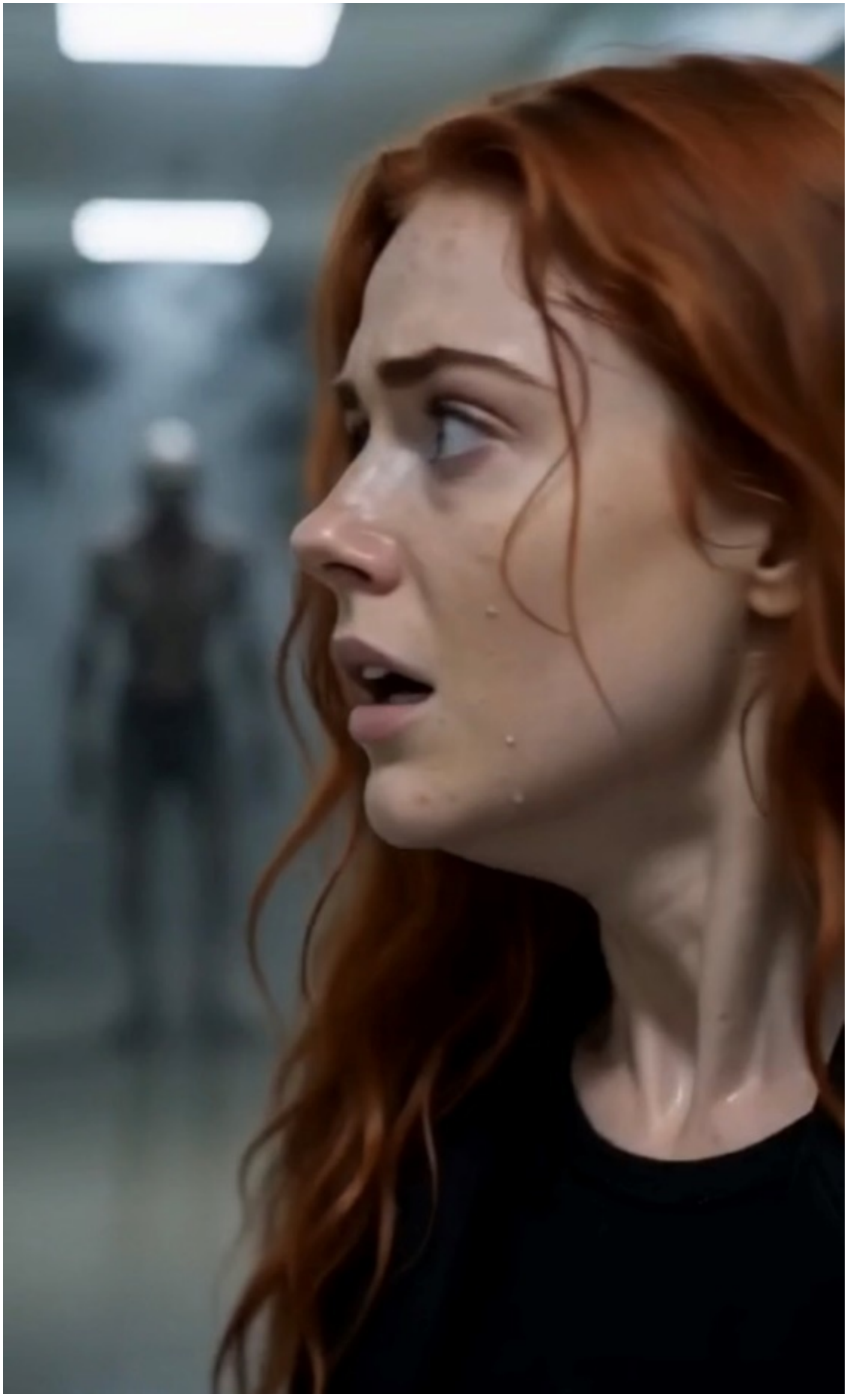
Тело, ведомое первобытным инстинктом, сделало выбор за тебя. Ты резко развернулась, с силой оттолкнув кого-то плечом, и бросилась прочь из эпицентра давки. Ты не бежала к выходу — ты бежала куда угодно, лишь бы оказаться подальше от этой перемалывающей толпы.

Свернув в боковой коридор, ты почти физически почувствовала, как шум за спиной начинает отдаляться, становясь глухим, как будто тебя отрезали от мира толстой стеной. На мгновение вокруг воцарилась тишина. Но эта тишина не принесла облегчения — она была какой-то неправильной, вакуумной, давящей на барабанные перепонки.

Ты остановилась, тяжело хватая ртом воздух. Грудь ходила ходуном, а в ушах стоял такой гул, что ты слышала каждый удар своего сердца, бьющего в виски.

Медленно, боясь даже дышать, ты повернула голову в конец коридора.

Он был там.

Одинокий силуэт в сером мареве тусклых ламп. Существо стояло неподвижно, но ты видела, как оно медленно поворачивает голову в твою сторону. В этот момент ты кожей почувствовала, что тебя заметили. В его мутных, затянутых пеленой глазах не было ни капли разума.

Там был только голод. Чистый, концентрированный, животный инстинкт, который в следующую секунду заставил тварь сорваться с места с каким-то хриплым, свистящим выдохом.

Ты не успела даже вскрикнуть.

Он тяжелый, пахнущее гнилью и старой кровью, с чудовищной силой врезался в тебя. Удар был таким мощным, что ты рухнула на холодный, скользкий кафель, с глухим звуком ударившись спиной. В этот момент из легких с резким свистом выбило весь воздух.

Вместо полноценного вдоха из горла вырвался лишь слабый, надрывный хрип. Перед глазами всё поплыло, пространство заполнили черные и белые пятна, а звук общего хаоса в коридорах вдруг стал глухим, будто ты оказалась под водой.

Он был прямо над тобой. Слишком близко. Его лицо, искаженное в безумном, зверином оскале, перекрыло собой свет ламп. Мутные глаза смотрели на тебя с пугающей пустотой, а из приоткрытого рта вырывался тяжелый, тошнотворный запах свежей крови и гнили.

Ты попыталась отползти, судорожно упираясь ладонями в холодный, скользкий кафель.

— Нет… — голос сорвался, превратившись в жалкий, надрывный шепот. — Пожалуйста…

Вспышкой в голове промелькнул единственный, отчаянный импульс. Ты выставила руку перед собой, закрываясь ею, как живым щитом. Это была не защита — это была безнадежная попытка отгородиться от кошмара.

И в этот миг его челюсти сомкнулись на твоем предплечье.

Ты не почувствовала боли сразу — сначала был шок. Ты ощутила, как огромная, сокрушительная сила сжала твою руку, как зубы с влажным хрустом пробили кожу и глубоко вошли в мышцы. А затем нахлынуло. Боль вспыхнула белым пламенем, пронзая всё тело от кончиков пальцев до самого затылка.

Ты закричала — резко, надрывно, так, что в ушах зазвенело. Ты не узнала собственный голос; это был крик раненого животного.

Ты дернула рукой, пытаясь вырваться, но существо держало намертво. Оно впилось в тебя с какой-то одержимостью, сжимая челюсти еще крепче, разрывая ткани в клочья. Ты почувствовала, как по руке горячим потоком потекла кровь, смешиваясь с грязью и осколками стекла на полу.

Слезы застлали глаза, превращая мир в размытое, багровое пятно.

— Нет! Нет, нет, нет! — захлебывалась ты, чувствуя, как вместе с кровью из тебя уходит жизнь, а на её место медленно вливается что-то чужое, холодное и беспощадное.

Глава 2: Запах живого

Прошло шесть месяцев.

Полгода с того дня, когда привычный мир с треском обвалился, оставив после себя лишь обломки и тишину. Города больше не принадлежали людям; они стали огромными, бетонными кладбищами. Там, где раньше кипела жизнь, теперь высились пустые здания с черными, зияющими провалами выбитых окон. Витрины магазинов превратились в груды острого стекла, вывески давно погасли, а улицы забила ржавая, вросшая в асфальт техника.

Воздух стал тяжелым, пропитанным запахом застойной сырости и сладковатым, тошнотворным привкусом гниения, который, казалось, въелся в каждую стену.

Иногда эту мертвую тишину прорезал далекий грохот. А иногда из темных, сырых переулков доносился протяжный, вибрирующий рык — звук, от которого кровь стыла в жилах даже у тех, кто привык к этому кошмару.

После первых недель кровавого хаоса правительство и военные, в попытке удержать остатки власти, начали возводить безопасные зоны. Это были закрытые анклавы, обнесенные высокими, колючими ограждениями под круглосуточным присмотром. На въездах, в тени бетонных блоков, стояли вооруженные солдаты с каменными лицами. Они проверяли каждого, осматривая кожу на предмет каждой царапины или подозрительного пятна.

Потому что теперь одна маленькая ошибка, один пропущенный укус — и безопасная зона превращалась в мясорубку за считанные минуты.

Внутри этих зон пытались имитировать подобие жизни. Гудели старые генераторы, выдавая скудный свет. Люди стояли в очередях за пайками.

Это была лишь бледная, искалеченная тень того, что люди потеряли из-за «Виталекса».

А ты… ты была одной из тех, кого больше не должно было существовать.

Полгода назад ты должна была окончательно превратиться в монстра. Должна была потерять себя, забыть собственное имя и все те мелочи, из которых складывалась твоя прошлая жизнь. Ты должна была стать частью этого безликого, голодного стада.

Но этого не произошло.

Ты помнила всё. Каждую деталь, каждый обрывок воспоминаний, каждый звук и запах. Ты помнила даже тот день в поликлинике — день, когда твоя жизнь была разорвана на части и склеена заново в какое-то чудовищное подобие существования.

Твое сердце больше не билось так ритмично как раньше, оставляя в груди пугающую, звенящую пустоту. Тебе больше не нужен был сон, ты почти перестала чувствовать усталость, но взамен мир вокруг стал иным. Теперь ты могла различить живого человека задолго до того, как увидишь его: ты чувствовала его пульс, тепло его крови, его страх, который пах как что-то острое и притягательное.

Но самое страшное было не в новых чувствах. Самое страшное — это голод.

Он жил где-то глубоко в твоем нутре, скручивая внутренности в тугой узел и заставляя тебя буквально сходить с ума от желания.

И каждый раз, когда этот голод становился невыносимым, тебе приходилось повторять про себя, как мантру, одну и ту же фразу: «Я всё ещё человек. Я всё ещё человек…».

Но за твой отказ от человеческой плоти тело предъявляло свою цену. Тебя постоянно сопровождала тупая, тянущая боль, которая, казалось, пропитывала каждую мышцу и каждый сустав. Ты слабее остальных заражённых. Медленнее. Твои движения скованные, а реакции — притупленные.

Аптека встретила тебя мертвой, вакуумной тишиной. Когда-то здесь кипела жизнь: очереди у касс, приглушенные разговоры покупателей. Теперь же под ногами с каждым шагом хрустело битое стекло, с потолка, как черные щупальца, свисали оборванные провода.

Ты медленно двигалась между стеллажами, стараясь не шуметь. Твой слух давно перестал быть человеческим; теперь ты улавливала звуки, которые раньше просто игнорировала. Ты слышала, как где-то за стеной в ритмичном, раздражающем темпе капает вода. Как ветер с надрывным свистом шевелит застрявший в разбитом окне кусок полиэтилена.

Сквозь слой химического запаха лекарств, пробилось нечто иное. Слабый, почти призрачный, но до безумия притягательный запах живой человеческой кожи.

Всё тело мгновенно напряглось. Мышцы, до этого скованные тупой болью, вдруг отозвались резким, хищным импульсом. Люди.

Из глубины аптеки, из-за поворота стеллажей, донесся резкий скрип открывающегося металлического шкафчика. Затем последовал сухой шелест упаковок, который в этой гробовой тишине прозвучал как гром.

Ты спряталась, стараясь не выдать себя. Затаив дыхание, ты осторожно выглянула из-за края стеллажа. Ты знала этот сценарий наизусть: люди при виде зараженного либо стреляли, не задавая вопросов, либо бежали в панике, оставляя за собой шлейф ужаса. Ты не могла позволить им заметить себя. Потому что для них ты больше не была человеком. Ты была лишь целью. Очередным «объектом», который нужно ликвидировать.

Парень в тактической одежде и черными как ночь волосами стоял спиной к выходу, сосредоточенно перебирая содержимое старого медицинского шкафчика. Его движения были отточенными, быстрыми и пугающе уверенными. Одну упаковку за другой он выхватывал из темноты полки, бегло осматривал и, не раздумывая, отбрасывал ненужное в сторону.

Рядом с ним находился второй парень, по всей видимости его напарник. Он застыл у открытого шкафа с помятым листом бумаги в руках. Одну за другой он снимал упаковки с полок, сверяя названия со списком. Его голос доносился сквозь ряды стеллажей, и для твоего обостренного слуха он звучал слишком отчетливо.

— Это не то… — пробормотал он.

Вдруг темноволосый парень остановился. Всего на долю секунды. Его рука замерла над шкафчиком, а пальцы другой руки медленно, почти незаметно, сомкнулись на рукояти ножа.

Ты почувствовала, как в груди возникла странная, вибрирующая пустота. Он даже не повернул головы, но всё его тело в одно мгновение превратилось в натянутую струну.

Он мгновенно развернулся, и его взгляд, холодный и сканирующий, скользнул по темному проходу между стеллажами. Там была лишь пустота, прошитая лучами тусклого света, танцующей пылью и длинными, изломанными тенями от полок.

Он не двигался несколько секунд. В этой звенящей тишине вы оба стали частью одного механизма, где любой звук означал либо смерть, либо атаку.

А затем ветер с улицы, холодный и резкий, просочился сквозь разбитое окно и едва заметно шевельнул твои волосы, коснувшись края одежды.

Парень нахмурился. Он всё ещё ничего не видел — тени стеллажей надежно скрывали твой силуэт, — но он чувствовал. Его сознание фиксировало чужое присутствие, какую-то неправильную вибрацию воздуха в этом пустом помещении.

И в этот момент до него дошел запах. Сначала едва уловимый, как призрак, возникший из ниоткуда. Сладкий. Свежий. Аромат спелой вишни.

Он резко, с шумом втянул воздух носом, и его зрачки мгновенно расширились.

Ты застыла, перестав даже имитировать дыхание. В груди возникло странное, тянущее чувство пустоты. Этот запах, который ты сама почти не замечала, но так любила и пользовалась, сейчас стал твоим главным врагом, предателем, который буквально указывал на тебя пальцем.

Он двинулся вперед, бесшумно переставляя ноги, сокращая дистанцию.

— Ноа, что-то не так? — приглушенно спросил его напарник, голос которого прозвучал где-то в другом измерении.

Ноа резко поднял руку, прижимая указательный палец к губам. Один жест — и напарник мгновенно замолчал. Тише.

Его взгляд оставался намертво прикован к темному проходу, где затаилась ты. В твоем теле пробудились древние, вшитые в гены инстинкты, и все они в один голос закричали об опасности. Это был не человеческий страх, а сигнал тревоги, который заставил каждую твою мышцу напрячься до предела.

Ты чувствовала, как он приближается. С каждым его шагом кольцо сжималось, и аромат вишни, казалось, становился всё громче, заполняя собой всё пространство между вами.

Ты видела людей и раньше. Но всегда издалека. Ты наблюдала за ними из разбитых окон заброшенных домов или замирала в тени, когда они проходили мимо, стараясь не дышать. Но этот человек был иным.

В нем не было суеты. Он не оглядывался в панике, не пытался обмануть самого себя, делая вид, что вокруг безопасно.

Он охотился. На тебя.

Ты медленно, почти неощутимо отступила глубже, стараясь слиться с густой, липкой темнотой.

Но под подошвой что-то едва заметно качнулось.

Ты застыла. Осколок стекла. В следующую секунду в гробовой тишине аптеки раздался слабый, но предательский щелчок. Для обычного человека это был бы шум, но для Ноа этот звук стал точкой отсчета.

Ты замерла в ужасе, осознавая, что тишина закончилась.

Глава 3: Тишина перед рыком

Силуэт Ноа приближался к тебе всё ближе и ближе. Ты видела лишь темную фигуру в тактической форме, которая двигалась с пугающим спокойствием. Без тени сомнения. Он знал, что делает, и эта уверенность была самым опасным оружием в его арсенале.

И тогда ты почувствовала то, что почти стерлось из твоей памяти за последние полгода. Страх.

Это не был животный испуг перед болью. Это был холодный, парализующий ужас осознания. Впервые за долгое время ты почувствовала себя не хищником, который скрывается в тенях, а добычей. Добычей, за которой охотится человек.

Ноа сделал еще один шаг вперед. Еще одна секунда — и он увидел бы тебя, и этот контакт стал бы последним.

В одно мгновение ты пригнулась, нащупав рукой что-то холодное и тяжелое. Подставка для капель. Ты толкнула её от себя, вкладывая в этот рывок все остатки своей силы. Металл с оглушительным, режущим слух лязгом сорвался с места и полетел в его сторону.

Ноа среагировал мгновенно. Резкий, почти неуловимый шаг вбок — и тяжелая конструкция пронеслась в нескольких сантиметрах от него, с грохотом врезавшись в стену.

Но прежде чем он успел развернуться и нанести удар, тишину аптеки разорвал другой звук. Утробный. Хриплый. Абсолютно нечеловеческий рык прокатился между стеллажами, ударился о бетонные стены и эхом разнесся по всему помещению, заставив воздух завибрировать.

— Зомби! — заорал парень с обрезом, вскидывая оружие и едва не сбив соседнюю полку.

Этот крик, как удар хлыста, полоснул по тишине. Ноа застыл. Всего на один удар сердца. Его зрачки сузились, взгляд стал пустым и сосредоточенным, в нем вспыхнула та самая холодная ярость, которую он хранил в себе все эти годы.

— Тварь! — выдохнул он сквозь плотно сжатые зубы, и в этом слове было столько ненависти, что оно, казалось, имело физический вес.

Ты рванула с места. Кроссовки с противным визгом скользнули по кафелю, длинные рыжие волосы хлестнули по спине, а впереди, в конце этого лабиринта, уже мелькнул выход. Свобода. Еще несколько десятков метров, и ты сможешь раствориться в руинах города.

Позади раздался топот. Громкий, тяжелый, пугающе ритмичный. Ноа догонял тебя. Каждый его шаг отдавался в твоих висках глухим ударом. Удар. Еще один. Еще ближе. Твое тело двигалось само, подчиняясь единственному, самому древнему инстинкту — бежать, пока не исчезнешь из виду.

Ты не оборачивалась. Ты боялась увидеть, насколько близко оказался его силуэт. А он видел перед собой только тебя.

Расстояние сокращалось с каждой секундой. Ноа молниеносно ускорился, переходя на финальный спринт. Ты кожей почувствовала, как поток воздуха за спиной сместился. Рука метнулась вперед. Пальцы почти коснулись твоего плеча — еще один сантиметр, и он бы вцепился в тебя, сбивая с ног.

Сомнений не оставалось: убежать от него было почти невозможно. Его выучка и физическая форма делали его слишком эффективным охотником.

И тогда ты резко затормозила. Подошвы с резким скрежетом проехались по кафелю. В следующую секунду ты крутанулась, разворачиваясь к нему лицом. Ноа, не ожидавший такого маневра, по инерции продолжал движение вперед.

И именно в этот миг ты сама бросилась ему навстречу. Резко. Стремительно. С широко распахнутым ртом.

Твой нечеловеческий, надрывный рык буквально разорвал коридор, ударившись о стены. Ты рванулась к нему с яростным напором, будто действительно намеревалась вцепиться зубами в его горло и вырвать кусок плоти.

Ты заставила себя выглядеть именно так. Ты превратила себя в идеальную имитацию обезумевшей твари, которой не осталось ничего, кроме одного-единственного желания — разорвать живого человека на части.

Но внутри, за этой маской безумия, ты думала только об одном. Мгновение. Тебе нужно было всего одно мгновение. Одна его ошибка. Один непроизвольный шаг назад. Один инстинктивный рефлекс, который дал бы тебе шанс проскользнуть мимо, используя его замешательство, и снова сорваться в бег.

Ноа уже приготовился к броску, его тело было сжатой пружиной. И он не ожидал такого напора. Всего на долю секунды его безупречная реакция сбилась.

Перед ним была девушка. Ярко-рыжие волосы рассыпались по плечам, серые, подернутые легкой мутью глаза смотрели прямо на него, а лицо исказилось в жутком, зверином оскале. Это лицо было слишком живым. Слишком человеческим, чтобы принадлежать монстру. Но из раскрытого рта вырвался лишь хриплый, надрывный рык.

Он не отступил. Наоборот.

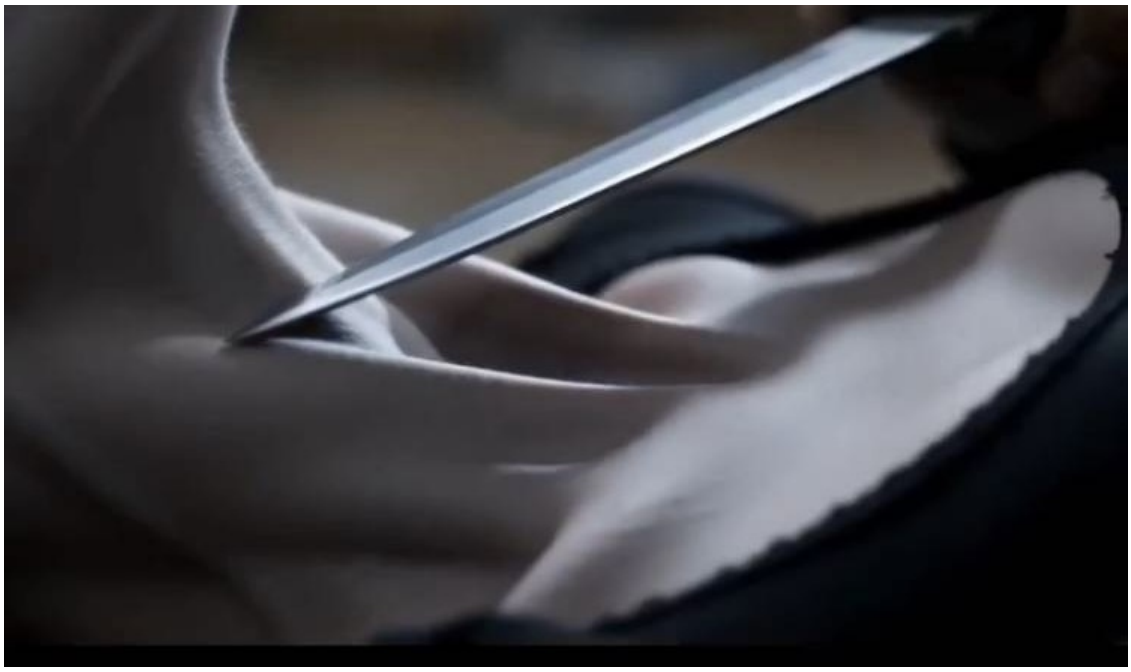
— Попробуй, сука! — выплюнул он, и в этом рыке было столько ненависти, что она почти перекрыла твой собственный крик.

Он врезался в тебя всем своим весом, используя инерцию бега и всю мощь своего тренированного тела. Удар был сокрушительным, словно ты столкнулась с бетонной стеной.

Вы рухнули на ледяной, грязный кафель. Тяжелый удар о пол отозвался в твоем теле глухим, вибрирующим шоком, который прошил всё от затылка до позвоночника. Ты почувствовала, как тебя буквально впечатали в холодный камень, лишая любой возможности маневрировать.

Ты попыталась рвануться, чтобы выскользнуть из-под него, но Ноа быстрее и сильнее. Одним резким, отточенным движением он перехватил оба твоих запястья и с силой впечатал их в холодный кафель над головой. Твои руки были зафиксированы намертво, любой рывок лишь сильнее вжимал тебя в грязный пол.

Холодный, безжалостный металл коснулся твоей шеи. Лезвие ножа легло точно по линии горла, едва касаясь кожи.

Он навис над тобой, тяжело, рвано дыша. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от твоего, и ты кожей почувствовала жар его дыхания — этот живой, обжигающий пар, который казался чем-то инопланетным в твоем мертвом мире. Ты видела, как на его лице перекатились желваки, как опасно напряглась челюсть, а глаза потемнели, превратившись в две черные дыры.

В них не было ни капли сомнения. Ни тени жалости. Только ненависть — чистая, концентрированная, выжженная годами боли.

— Я вырву тебе глотку раньше, чем ты успеешь открыть рот, — прошипел он, и этот шепот был страшнее любого крика.

Ты замерла. Не только из-за страха перед смертью, а от этого взгляда, который видел в тебе не человека, а лишь кусок гниющего мяса, который нужно уничтожить. Ты чувствовала, как между вами натянулась невидимая струна.

В ответ из твоего горла вырвалось лишь глухое, утробное рычание, которое завибрировало в твоей груди. Ты оскалилась, не сводя с него глаз, отказываясь признавать свое поражение даже сейчас.

Лезвие всё еще упиралось в шею. Холод стали ощущался максимально отчетливо, разделяя твою жизнь и окончательную пустоту. Одно короткое, резкое движение — и металл вспорет кожу, обрывая твою бесконечную борьбу за остатки рассудка.

Он тяжело дыша продолжал прижимать тебя к полу всем своим весом, буквально вминая в ледяную плитку. Его взгляд медленно, почти сканирующе скользнул по твоему лицу.

Твои серые, затуманенные глаза, которые смотрели прямо на него с пугающей осознанностью. Пухлые губы, сжатые в яростном оскале. И ярко-рыжие, почти огненные волосы, рассыпавшиеся по холодному кафелю грязным ореолом. Ты выглядела неестественно живой для того, кто должен быть лишь гниющим трупом.

Ноа нахмурился, и его брови сошлись к переносице. В этот момент запах вишни, теперь, стал почти осязаемым. Он обрушился на него плотной волной, смешиваясь с едким запахом его собственного пота, старой крови и химическим амбре лекарств, въевшихся в стены аптеки.

Твой аромат буквально кричал о жизни там, где царил хаос. Запах сбивал Ноа с толку, создавая в его голове шум, который мешал сосредоточиться на твоём убийстве.

Сзади наконец послышались торопливые, тяжелые шаги. Парень с обрезом вылетел из-за стеллажа и мгновенно вскинул оружие. Черный ствол смотрел прямо тебе в лоб, заставляя сердце метафорически пропустить удар.

— Вали её, пока она не вцепилась в тебя! — заорал его напарник, и в его голосе слышался настоящий, нескрытый ужас.

Ноа не шелохнулся. Нож всё ещё упирался в твою шею, но его взгляд изменился. В нем больше не было той слепой, выжигающей ярости. Теперь там росло холодное, острое любопытство. Он продолжал всматриваться в твои черты, словно пытался разгадать сложный шифр, ответить на один-единственный вопрос: что, чёрт возьми, перед ним находится?

Ты забилась в его руках, извиваясь всем телом и пытаясь с силой вырвать запястья из железного захвата. Ты снова оскалилась, обнажая зубы, и закричала ещё раз, вкладывая в этот звук всю свою отчаянную, животную ярость.

Твой крик был чистым, диким, пропитанным хрипом и абсолютным отсутствием человеческого.

Парень с обрезом вздрогнул, его пальцы судорожно сжали цевье оружия. Он был на грани паники.

— Да кончай ты с ней уже! — заорал он, срываясь на крик.

Ноа вдавил тебя в пол с удвоенной силой, почти перекрывая тебе возможность дышать. Однако теперь он не просто слышал твой вой. Он чувствовал его каждой клеткой своего тела. Тяжелая, низкочастотная вибрация проходила сквозь кафель, отдавалась в его ладонях, в грудной клетке, в каждой напряженной мышце.

Ты кричала прямо под ним, в упор. Звук был таким плотным и громким, что на мгновение у него заложило уши, а в голове возникло ощущение оглушительного вакуума.

Ноа с силой сжал челюсти, так что зубы скрипнули. Последняя капля его выдержки, его профессионального спокойствия, наконец лопнула под этим натиском.

— Да заткнись ты! — взревел он, теряя контроль над собой.

Глава 4: Несколько сантиметров

— Ноа, отойди! — заорал парень с обрезом, видя, как ты продолжаешь биться в конвульсиях под ним. — Она сейчас тебя укусит, придурок!

Ты рванулась — резко, отчаянно, до хруста в суставах, но это было бесполезно. Холодный кафель впивался в лопатки, каждая неровность пола казалась острым камнем, а тяжелое тело Ноа пригвоздило тебя к земле, лишая пространства для маневра.

Осталась только тупая боль в запястьях и его обжигающее дыхание совсем рядом. И самое страшное осознание: если он решит закончить это прямо сейчас — ты даже не успеешь моргнуть.

Ноа смотрел прямо в твои глаза. Теперь в его взгляде не осталось ничего, кроме чистой, концентрированной ярости.

— Ты хочешь этого, да? — прошипел он, и его голос звучал как скрежет металла по стеклу.

Ты оскалилась, и из горла снова вырвался низкий, вибрирующий звук. Ноа в ответ сильнее вдавил лезвие ножа в твою кожу, почти до крови.

И в этот миг перед его глазами, как вспышка магния, пронеслось прошлое. Истерический крик сестры. Раскаленный, разбитый асфальт. Кровь, которая не успела впитаться в землю. И тот зараженный, которого он не успел убить вовремя.

Воспоминание исчезло так же стремительно, как и появилось, оставив после себя лишь глухую пустоту и жажду расправы. Перед ним снова была ты. И он видел в тебе только врага. Того, кого нужно уничтожить, чтобы наконец замолкли призраки прошлого.

В этот момент внутри тебя что-то с треском оборвалось. Мир вокруг внезапно стал оглушительно тихим.

Ты поняла: он больше не колеблется. Он действительно собирается тебя убить.

Ноа резко занес нож. Лезвие сверкнуло в тусклом, болезненном свете аптечных ламп. Он целился точно в основание черепа. Одно короткое, профессиональное движение.

И всё закончится.

Лезвие уже стремительно начало движение вниз. На одно мгновение весь мир будто замедлился, превратившись в вязкий кисель. Ты даже успела подумать, что сейчас почувствуешь резкий удар, холод металла и финальную пустоту.

И в этот миг коридор за его спиной взорвался.

Сначала это был далекий, едва различимый гул. Где-то в глубине здания что-то тяжелое и металлическое с грохотом рухнуло. Потом звук повторился. И он начал приближаться с пугающей скоростью.

Топот. Сотни быстрых, рваных ударов ног. Скрежет когтей о стены, напоминающий звук рвущейся ткани. Хриплое, голодное рычание. Все эти звуки слились в один оглушительный, многоголосый рёв.

Лезвие остановилось всего в нескольких сантиметрах от твоей головы.

Взгляд Ноа резко, почти дернувшись, метнулся через плечо. Из вязкой темноты прохода показалась первая фигура. Потом вторая. Третья. А за ними — еще десятки. Тусклый, мигающий свет выхватывал из мрака отдельные детали: широко раскрытые, залитые кровью рты, мутные, белесые глаза, в которых не осталось ничего, кроме жажды.

Ты замерла. На несколько секунд страх перед ножом просто исчез, вытесненный чем-то более масштабным. Ты знала этот звук. Ты знала, что он означает.

Они шли сюда. На твой крик. За тобой.

Внутри, где-то глубоко под слоем мертвого мяса, впервые за последние минуты что-то дрогнуло. Надежда. Маленькая, почти невероятная, болезненная. Но настоящая.

— Чёрт… — выдохнул Ноа.

Впервые за всё время ты услышала в его голосе не ярость, а настоящую, холодную тревогу.

— Ноа! — заорал парень с обрезом, его голос сорвался на визг. — Их слишком много!

Он попятился, почти спотыкаясь о обломки стеллажей и мертвой хваткой сжимая оружие.

— Мы в ловушке!

Ноа мгновенно перевел взгляд на тебя, затем снова на темнеющий коридор. Ты почувствовала, как его тело превратилось в натянутую струну. Несколько секунд он оставался неподвижен, в голове лихорадочно просчитывая варианты.

Убить тебя сейчас — значит потратить те драгоценные секунды, которых у него больше нет. Отпустить — значит дать тебе шанс сбежать.

За его спиной уже надвигалась орда, заполняя собой всё пространство. Решение пришлось принимать мгновенно, на уровне рефлексов.

Ноа молниеносно вскочил, и в следующее мгновение ты почувствовала, как его пальцы железным захватом вцепились в ворот твоей чёрной водолазки. Одним мощным, грубым рывком он поднял тебя с пола, словно тряпичную куклу. Ты даже не успела опомниться — пол резко ушёл из-под ног, мир качнулся перед глазами, и через секунду он уже прижал тебя к себе.

Слишком близко. Ты чувствовала жесткую ткань его экипировки и бешено колотящееся сердце, которое теперь было единственным ритмом в этом хаосе. И снова холод стали у самого горла.

Ты инстинктивно дёрнулась, попыталась отстраниться, но хватка мгновенно усилилась, почти перекрывая дыхание.

— К выходу! Живо! — его голос, резкий и властный, перекрыл многоголосый рёв приближающихся заражённых.

Ноа двигался быстро, пятясь к выходу и не выпуская тебя из своего захвата. Его взгляд постоянно, по-звериному, перескакивал с надвигающейся стены плоти на коридор позади. Заражённые были уже в нескольких метрах; их голодное рычание заполняло всё вокруг, вибрируя в самом воздухе.

В какой-то момент он наклонился к твоему уху, и его горячее дыхание обожгло твою кожу, создавая пугающий контраст с холодом лезвия.

— Только попробуй дёрнуться, тварь, — процедил он сквозь сжатые зубы, и в этом шепоте было больше угрозы, чем во всех криках напарника. — И этот нож в секунду перережет твою глотку.

Лезвие едва заметно, почти ласково, скользнуло по коже, оставляя за собой тонкий, ледяной след — последнее предупреждение перед тем, как твой мир погрузится в кровавый хаос.

Пока взгляд Ноа был прикован к надвигающейся стене плоти, ты почувствовала, как его хватка едва заметно ослабла. Всего на одно мгновение. Но тебе этого хватило.

Ты не стала думать. Сейчас. Или никогда.

Ты резко, всем телом, рванулась. Локоть со всей силой, вкладывая в удар всё своё отчаяние, врезался ему точно в бок, в область ребер. Ноа глухо, по-звериному выругался и на секунду согнулся, его пальцы рефлекторно разжались.

Ты выскользнула из его захвата прежде, чем он успел опомниться.

Свобода. На одно короткое, ослепляющее мгновение ты почти не поверила, что снова можешь двигаться сама. Никто не сжимал твои запястья. Никто не прижимал ледяную сталь к твоему горлу.

Ты сорвалась с места. Прямо навстречу ревущей толпе.

Гул десятков ног уже сотрясал бетонный пол, передавая вибрацию в твои ступни.

За спиной раздался хриплый, надрывный вдох.

— Ах ты тварь! — взревел он.

Ноа резко выпрямился, но между вами уже хлынула орда. Оскаленные рты, вытянутые, костлявые руки. Чужие, холодные пальцы мелькали всего в нескольких сантиметрах от твоих волос, едва не задевая их.

— СТОЙ! — его крик прорезал шум толпы.

Но ты даже не обернулась.

Ноа с силой ударил ладонью по ближайшему металлическому стеллажу. Грохот был таким, что металл содрогнулся, а какие-то коробки с лекарствами с грохотом посыпались на пол.

— Я СКАЗАЛ, СТОЙ, СУКА!

Его голос, полный ярости и чего-то похожего на панику, ударил тебе в спину, как физический толчок. Ты вздрогнула, и на долю секунды тело едва не остановилось само, повинуясь этому властному приказу.

Но ты не обернулась. Только не сейчас.

Ноа сделал резкий шаг вслед за тобой, но в этот миг первый из набегавших — обглоданное, лишенное кожи существо с вывалившимся, затуманенным глазом — с диким, захлебывающимся воплем врезалось в него, сбивая с ног.

Ноа перекатился по кафелю, используя инерцию удара. В воздухе сверкнула сталь: он мгновенно вскинул нож, с влажным хрустом перерезая горло твари, но следующие за ней уже наваливались плотными, удушающими волнами.

— Ноа, уходим! — заорал парень с обрезом, выпуская огненный заряд прямо в голову одного из монстров. Грохот выстрела в замкнутом пространстве аптеки был оглушительным.

Ноа, отбиваясь от зомби и с яростным надрывом вбивая лезвие в черепа нападавших, успел бросить последний взгляд на твою удаляющуюся фигуру.

Ты сливалась с толпой, становясь частью этого бесконечного, пульсирующего кошмара.

Он чувствовал, как в груди закипает черное, обжигающее бешенство. Это было не просто раздражение — это была уязвленная гордость профессионала и что-то более глубокое, почти первобытное.

— Я найду тебя, — процедил он сквозь сжатые зубы, с силой отшвыривая в сторону очередного мертвеца, который пытался вцепиться ему в плечо. — Клянусь, я выслежу тебя.

Глава 5: Запах из прошлого

В безопасной зоне, Ноа снова и снова, словно заевшая пластинка, прокручивал в голове тот день. Рыжие волосы, вспыхивающие в темноте. Серые, осознанные глаза. И этот проклятый, неуместный запах вишни, который до сих пор, казалось, преследовал его в каждом вдохе.

Он сидел в полумраке перед мониторами, вглядываясь в записи с городских камер. Когда-то эта система следила за пробками, перекрёстками и прогулками горожан. Теперь её использовали для другого — отслеживали перемещения орд и искали безопасные «окна» для вылазок.

Картинка была зернистой, грязной. Камеры давно никто не обслуживал: часть из них периодически гасла, изображение рябило от помех, а многие участки улиц превратились в слепые зоны.

Он откинулся на спинку стула, с силой провёл ладонью по лицу, стирая усталость. Он помнил каждую секунду, в которой он владел тобой, и ту единственную секунду, когда он тебя потерял.

И вдруг Ноа заметил тебя на одной из дальних камер — всего на пару секунд. Яркое, почти неестественное пятно рыжих волос мелькнуло между двумя ржавыми остовами припаркованных машин и мгновенно исчезло за поворотом.

Ноа замер. Он молниеносно перемотал запись назад.

Ещё раз. И ещё.

Он приблизил изображение, насколько позволяла старая, умирающая камера. Пиксели расплывались, превращая всё в цветные пятна, но он видел.

Ты.

Ошибиться он не мог.

Он с лихорадочным азартом открыл следующую камеру. Пусто. Только серый асфальт и ветер, гоняющий мусор. Следующую. Снова ничего.

Ноа начал просматривать записи с соседних улиц, методично, почти фанатично пытаясь понять, куда ты свернула. Камеры показывали город рваными кусками: один пустой перекрёсток, облупленный фасад заброшенного магазина, заваленная мусором парковка.

Он собирал твой путь из этих цифровых обрывков, как пазл из разбитого зеркала. Каждый раз, когда на экране вспыхивали знакомые рыжие волосы, он замирал, останавливал запись и с точностью хирурга отмечал точку на карте.

Ты двигалась медленно. Иногда останавливалась, замирая на месте, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышал он. Иногда меняла направление без видимой причины, сбивая его с толку. Но постепенно маршрут начал складываться в единую линию.

Аптека. Улица. Поворот. Еще один.

Ноа медленно провел пальцем по карте, соединяя точки, и внезапно остановился.

Кофейня.

Он еще несколько секунд смотрел на экран, вглядываясь в зернистую картинку, где ты исчезала за дверями заведения. Затем он взглянул на время последней записи. Секунды тикали, превращая информацию в приговор.

Ты должна была быть там. Именно сейчас.

Ноа резко поднялся со стула. Его движения стали четкими, лишенными всякой сомнения. На ходу он забрал свой нож и проверил затвор огнестрельного оружия. В его глазах больше не было ярости — там поселился холодный, расчетливый азарт.

На этот раз он не собирался терять тебя из виду.

***

Ты шла знакомым маршрутом, сама не до конца понимая, какая сила тянет тебя вперед. Ноги будто сами вели тебя по этой дороге, по привычке, которая оказалась сильнее вируса и смерти.

К кофейне.

Той самой, куда ты заходила почти каждый день, когда мир еще не рухнул. Ты помнила запах свежемолотых зерен, тепло бумажного стаканчика в ладонях и шум разговоров, который когда-то казался таким обыденным.

Здесь всё должно было быть знакомым, до каждого сантиметра, до каждой трещинки на плитке. Но теперь место казалось чужим, словно ты зашла в декорации к фильму о собственной смерти.

Дверь была приоткрыта. Она медленно, с надрывным скрипом, покачивалась на петлях от холодного сквозняка.

Внутри царил тяжёлый полумрак. Слабый, грязный серый свет пробивался сквозь разбитое окно и ложился на пол длинными, рваными полосами. Стулья лежали перевёрнутыми, как после какой-то невидимой бойни; на полу хрустели осколки стекла, а среди них темными, почти черными пятнами въелись следы старой грязи и запекшейся крови.

За стойкой, как немой памятник прошлому, всё ещё стояла кофемашина.

Ты медленно, почти благоговейно подошла к ней.

Голод. Он никуда не уходил. Он жил внутри тебя постоянно — тупой, тянущий, звериный. Он не был просто чувством, он был физической болью, которая пульсировала в висках и скребла где-то глубоко в желудке. Требовательный. Чужой.

Ты ненавидела это. Ненавидела ту тварь, которая теперь делила с тобой одно тело.

Ты осторожно провела пальцами по стойке, оставляя дорожки на толстом слое пыли. Машина всё ещё стояла на своём месте. Металлическая поверхность была холодной и безжизненной, но кнопки остались целыми.

Латте без сахара.

Когда-то эта мелочь могла сделать всё твоё утро лучше. Помнишь? Тёплый, почти обжигающий стакан в ладонях. Горьковатый, бодрящий запах кофе, который заполнял всё пространство вокруг. И какая-нибудь сладость к нему, чтобы сгладить эту горечь.

Ты знала, что твой организм больше не способен переваривать еду так, как раньше. Знала, что этот напиток, даже если бы он был настоящим, ничего не изменит в твоей физиологии. Он не утолит этот проклятый голод.

Но тебе всё равно хотелось нажать на кнопку. Просто чтобы услышать этот знакомый шум, почувствовать иллюзию контроля. Хотелось хотя бы на несколько минут обмануть смерть и почувствовать себя прежней.

Ты уже занесла палец над кнопкой, но в последний момент замерла.

Кофе. Самого кофе у тебя не было.

Ты начала лихорадочно осматривать полки, вглядываясь в темноту углов. Открыла один шкафчик — пусто. Второй — там лежало несколько скомканных упаковок салфеток и засохший, превратившийся в камень сахар в раскрытом пакетике.

Ни капли сиропа. Ни одной крошки сладостей.

Ты продолжила искать, перебирая обломки чужого быта. В кафе было пугающе тихо. Слышно было только, как пыль оседает на поверхности, и чувствовался тяжелый, застоявшийся запах сырости. На самой нижней полке, почти в самом углу, нашелся один-единственный бумажный стакан.

Ты осторожно взяла его в руки, ощущая, как картон слегка прогибается. Затем, после долгих поисков, ты нашла бутылку с мутными остатками воды и старую, измятую упаковку кофе.

Этого было достаточно. По крайней мере, чтобы попытаться.

Ты вернулась к кофемашине. Руки чуть дрожали, когда ты наливала воду в резервуар и засыпала остатки темного порошка. Наконец, ты нажала кнопку.

Машина сначала молчала, словно сопротивляясь этому бессмысленному действию. Потом внутри что-то глухо, тяжело щёлкнуло, и из носика тонкой, прерывистой струёй потекла тёмная жидкость.

Ты завороженно смотрела, как она наполняет стакан. Густой, обжигающий запах кофе медленно поднялся в воздух, заполняя пространство вокруг. На несколько секунд всё стало почти как раньше. Окружающий мрак отступил, а в груди что-то болезненно сжалось от этой призрачной иллюзии нормальности.

Ты опустила взгляд на стакан. В нём плескалась жидкая, грязная, серая смесь, которая даже отдаленно не напоминала привычный сливочный латте. Это была жижа, в которой плавали мелкие хлопья пыли и осадок.

Ты поморщилась. Выглядело это отвратительно, почти так же, как и всё вокруг.

Но запах... запах был настоящим. Он был единственным честным воспоминанием в этом месте.

Ты крепко сжала стакан в ладонях, чувствуя, как тепло жидкости просачивается сквозь картон, согревая твои холодные, мертвенные пальцы.

Ты уже собиралась сделать первый глоток, когда что-то за грязным стеклом витрины привлекло твоё внимание.

Движение. Едва заметный сдвиг в серой дымке улицы.

Рука со стаканом замерла у самых губ, так и не коснувшись их. На противоположной стороне дороги появился человек. Высокий, крепкий, затянутый в темную, глухую тактическую одежду, которая делала его похожим на тень среди руин.

Он шёл медленно. Слишком медленно и внимательно, почти по-хирургически осматривал каждое здание, каждый темный проем по обе стороны улицы. Он не торопился. Он не искал случайно.

Он выслеживал.

Твой взгляд на секунду зацепился за его лицо. Ты замерла, перестав дышать, хотя в этом больше не было физической необходимости. Глаза расширились, а мир вокруг вдруг перестал существовать, сузившись до одного-единственного силуэта.

Узнала.

Сердце бы забилось в бешеном ритме, ударяя в ребра, если бы оно всё ещё билось. Но внутри всё равно что-то с силой провалилось вниз, оставляя после себя лишь ледяную, звенящую пустоту.

Ноа остановился прямо напротив кофейни.

Он нашёл тебя.

Ты медленно, почти плавно опустила стакан с серой жижей на стойку и начала отступать, стараясь двигаться бесшумно, словно призрак, надеясь просто раствориться в тенях, исчезнуть, стать частью этого заброшенного места.

Но ты не могла отвести взгляд от Ноа которого всем нутром боялась. Твои серые глаза встретились с его холодным, пронизывающим взглядом, который, казалось, видел тебя насквозь, прошивая насквозь через разбитое стекло и пыль. Между вами повисло такое тяжелое, плотное напряжение, что его можно было буквально потрогать руками, почувствовать кожей как статическое электричество перед бурей.

Его взгляд медленно, оценивающе прошёлся по разбитой витрине, по пустому, выпотрошенному залу, по стойке с кофемашиной. А затем снова вернулся к тебе.

Его лицо едва заметно изменилось. В уголках губ промелькнуло что-то, похожее на жестокую, торжествующую усмешку. Ноа медленно, демонстративно положил ладонь на рукоять ножа.

Ты увидела это движение. И внутри тебя мгновенно сработал инстинкт, который не требовал ни раздумий, ни памяти.

Опасность. Смерть. Бежать.

Но ноги не двинулись. Ты словно приросшая к полу, продолжала смотреть на него. На человека, который был частью твоих кошмаров. На человека, которого ты отчаянно, до боли в сознании, хочешь забыть.

Ноа толкнул дверь. Она отозвалась тихим, надрывным скрипом, который в гробовой тишине кафе прозвучал как выстрел.

Он вошёл. Медленно, с той осторожной грацией, которая присуща хищнику, зашедшему на чужую территорию. Его взгляд был предельно сконцентрирован: он сканировал твои руки, плечи, малейшее движение лица. Он ждал рывка. Ждал внезапного нападения. Ждал, что ты снова сорвешься на тот первобытный, леденящий душу крик.

Ноа остановился всего в нескольких шагах от тебя. Воздух вокруг него казался наэлектризованным.

— Что, голос пропал? — тихо, почти вкрадчиво бросил он.

Ты не ответила. Твое молчание было единственным оружием, которое у тебя осталось.

Он сделал ещё один шаг. Тяжелый ботинок глухо ударил по кафелю.

— Недавно ты кричала так, что на твой голос прибежала целая толпа заражённых, — в его голосе проскользнула тень той ярости, что кипела в нем в аптеке.

Еще шаг. Расстояние между вами сокращалось, стирая последние границы безопасности.

— А теперь молчишь.

Ноа внимательно, почти жадно изучал тебя, словно пытался вскрыть твое лицо, как замок, чтобы найти там какой-то ответ.

— Почему?

Он остановился так близко, что ты физически почувствовала его запах — резкий, мужской аромат пороха, холодного металла и чего-то едкого, похожего на старую кожу. Ноа значительно выше тебя, и его массивная, властная фигура буквально заслонила собой серый свет из окна, погружая тебя в густую, душную тень.

Ты ничего не ответила. Только продолжала смотреть на него своими мутными, испуганными глазами, в которых всё еще плескалось осознание того, кто перед тобой.

Ноа чуть склонил голову набок, изучая каждую черточку твоего лица, словно видел тебя впервые.

— Боишься?

Он сделал еще один шаг, сокращая дистанцию до критической. Ты с опаской отступила, чувствуя, как холодный металл стойки коснулся твоей поясницы.

Теперь отступать было некуда. Ты оказалась в ловушке, прижатая к стойке его присутствием.

— Ты ведь понимаешь меня, — произнес он.

Это не было вопросом. Это было утверждение, которое он вырвал из твоего молчания.

Ты замерла, боясь даже моргнуть. Но Ноа заметил всё: едва уловимое расширение зрачков, дрожь в уголках губ, то, как ты задержала дыхание.

— Понимаешь, — тихо, с какой-то пугающей уверенностью подтвердил он.

Ноа внезапно, без всякого предупреждения, протянул руку и с силой ударил ладонью по металлической стойке прямо рядом с твоей кистью. Громкий, резкий хлопок эхом разнесся по пустому залу, вбиваясь в уши.

— Говори, пока я не передумал быть вежливым, — его голос упал до опасного, вкрадчивого шепота. — Кто ты такая на самом деле?

От неожиданности и резкого звука ты вздрогнула. Внутри вспыхнул инстинкт защиты, и ты оскалилась. Без крика, без лишнего шума — просто низко, утробно зарычала, обнажив зубы в предупреждающем жесте.

Ноа даже не моргнул. Напротив, на его губах появилась едва заметная, жестокая усмешка.

— Вот теперь интересно.

Его тело среагировало мгновенно, на одних рефлексах. В одно стремительное движение он сократил оставшиеся сантиметры, железным захватом вцепился в твою талию и с сокрушительной силой впечатал тебя спиной в холодную поверхность стола.

Металл жалобно скрипнул под весом ваших тел. Кофемашина за спиной дёрнулась, а стакан с серой жижей на краю стойки опасно качнулся, едва не опрокинувшись.

— Тихо, — прорычал он прямо тебе в лицо.

Его пальцы больно, до синяков, впились в твою талию, намертво фиксируя тебя на месте, лишая любой возможности пошевелиться. Он тяжело дышал, и ты видела, как в его зрачках снова вспыхнула та самая черная ярость, смешанная с каким-то животным, почти физическим раздражением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.